

Допустимость доказательств и «иные» нарушения уголовно-процессуального закона

Валерия Игоревна Крупницкая^{1, 2}

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

²Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Новосибирск, Россия
krupnitskaya-vi@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6975-751X>

Аннотация

Введение. Статья посвящена анализу современных подходов к оценке допустимости доказательств в уголовном процессе в контексте соблюдения принципов уголовного процесса и критериев допустимости, сформулированных в науке уголовного процесса. По мнению автора исследования, сложившаяся ситуация, связанная с законодательной регламентацией представляется не вполне совершенной и требует изменений в части определения критериев допустимости и иных характеристик.

Цель. Исследование вопросов допустимости доказательств во взаимосвязи с соблюдением некоторых принципов уголовного процесса и обоснование законодательной регламентации включения правил проверки допустимости доказательств в действующее уголовно-процессуальное законодательство.

Материалы и методы. При проведении исследования использовались эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики. Частнонаучные методы: системное, грамматическое и логическое толкование. Специально-юридические методы: формально-юридический. Теоретическую основу исследования составили труды отечественных ученых-процессуалистов, а также результаты изучения и анализа материалов следственно-судебной практики.

Результаты. Установлено отсутствие единообразия в понимании ключевых принципов уголовного процесса, таких как право на защиту и язык судопроизводства, влияющих на решение вопроса о допустимости показаний обвиняемого. Сформулирована необходимость законодательной регламентации правил проверки допустимости доказательств в уголовно-процессуальном законе.

Выводы. Действующая правоприменительная практика испытывает необходимость в дополнительном толковании сущности принципов права на защиту и на участие переводчика, в том числе при решении вопроса о допустимости в качестве доказательств показаний обвиняемого. Обоснована необходимость законодательного включения в уголовно-процессуальное законодательство правил проверки допустимости доказательств и предложена соответствующая редакция.

Ключевые слова: допустимость доказательств, правила проверки допустимости доказательств, право на защиту, язык судопроизводства, уголовный процесс, уголовно-процессуальное законодательство, предварительное следствие

Для цитирования: Крупницкая В. И. Допустимость доказательств и «иные» нарушения уголовно-процессуального закона // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 2. С. 104–111. EDN [GZQHSN](#)

Original article

Admissibility of evidence and other violations of the criminal procedure law

Valeria I. Krupnitskaya^{1, 2}¹South-Russia Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia²Siberian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russiakrupnitskaya-vi@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6975-751X>

Abstract

Introduction. The article analyzes modern approaches to assessing the admissibility of evidence in criminal proceedings in the context of compliance with the principles of criminal procedure and the criteria of admissibility formulated in the science of criminal procedure. According to the author of the study, the current situation related to legislative regulation does not seem to be quite perfect and requires changes in terms of determining the criteria for admissibility and other characteristics.

Purpose. The study of the issues of the admissibility of evidence in relation to the observance of certain principles of the criminal process and the justification of the legislative regulation of the inclusion of rules for verifying the admissibility of evidence in the current criminal procedure legislation.

Materials and methods. The research used empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic. Private scientific methods: systematic, grammatical and logical interpretation. Special legal methods: formal legal. The theoretical basis of the research was the works of Russian procedural scientists, as well as the results of the study and analysis of investigative and judicial practice materials.

Results. The lack of uniformity in the understanding of key principles of the criminal process, such as the right to defense and the language of the proceedings, influencing the decision on the admissibility of the testimony of the accused, has been established. The necessity of legislative regulation of the rules for verifying the admissibility of evidence in the criminal procedure law is formulated.

Conclusions. Current law enforcement practice requires additional interpretation of the essence of the principles of the right to defense and the participation of an interpreter, including when deciding whether the testimony of the accused is acceptable as evidence. Also, the need for legislative inclusion in the criminal procedure legislation of the rules for verifying the admissibility of evidence is substantiated and an appropriate wording is proposed.

Keywords: admissibility of evidence, rules for verifying the admissibility of evidence, right to defense, language of legal proceedings, criminal procedure, criminal procedure legislation, preliminary investigation

For citation: Krupnitskaya V. I. Admissibility of evidence and “other” violations of the criminal procedure law. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(2):104–111. (In Russ.). EDN [GZQSH](#)

Введение

Вопрос о допустимости доказательств в уголовном процессе продолжает вызывать дискуссионные вопросы относительно толкования норм Уголовно-процессуального кодекса РФ, позиций правоприменителей, коллизий и пробелов в законодательстве. Процессуалисты в специальных исследованиях неоднократно высказывали различные мнения относительно отдельных проблемных аспектов относительно допустимости тех или иных доказательств, однако единого мнения как в теории уголовного процесса, так и единообразия следственно-судебной практики нет. И это не удивительно, учитывая многозначность и характер такого свойства как допустимость и некоторую неопределенность ч. 3 ст. 75 УПК РФ, формулирующую «иные доказательства, полученные с нарушением требования» закона¹. В данном ракурсе необходимо продолжить исследования этих вопросов, учитывая их важность в практической деятельности следственно-судебных органов.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 дек. 2001 г. N 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 5 1] дек. 2001 г.: [ред. от 05 февраля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ст. 4921.

Цель статьи – исследование вопросов допустимости доказательств во взаимосвязи с соблюдением некоторых принципов уголовного процесса и обоснование законодательной регламентации включения правил проверки допустимости доказательств в действующее уголовно-процессуальное законодательство.

Материалы и методы

При проведении исследования использовались эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики. Частнонаучные методы: системное, грамматическое и логическое толкование. Специально-юридические методы: формально-юридический. Теоретическую основу исследования составили труды отечественных ученых-процессуалистов, а также результаты изучения и анализа материалов следственно-судебной практики.

Результаты и обсуждение

В теории уголовного процесса наблюдается разнообразие мнений относительно интерпретации статьи 75 УПК РФ.

Представители первой группы указывают, что в качестве недопустимых доказательств следует рассматривать исключительно те доказательства, которые противоречат конституционным принципам [1].

Представители второй группы считают, что характер нарушений, допущенных в процессе соблюдения требований УПК, не оказывает влияния на допустимость доказательств [2].

Представители третьей группы полагают, что исключительно существенные нарушения требований закона являются основанием для признания доказательств недопустимыми [3].

Представители четвертой группы процессуалистов придерживаются позиции, согласно которой доказательства подлежат признанию недопустимыми во всех случаях выявления нарушений процессуального порядка их получения, за исключением ситуаций, когда последствия допущенных нарушений могут быть устранены посредством проведения повторных следственных или судебных действий [4].

Некоторые вопросы заслуживают отдельного исследования с учетом реалии правоприменительной практики. Так, вызывает вопросы применение частей 2 и 3 статьи 75 УПК РФ.

Казалось бы, законодатель довольно четко выразил свою позицию по вопросу участия защитника в допросах подозреваемых и обвиняемых на досудебном производстве, если последние не подтверждают свои показания в суде. Такие доказательства должны быть признаны однозначно недопустимыми.

По всей вероятности, положения статьи 75 УПК РФ во взаимосвязи с положениями части 2 ст. 52 УПК РФ, предусматривающих необязательность отказа подозреваемых и обвиняемых от защитника для следствия и суда, стимулируют правоприменителя к обеспечению защитника в деле. Исторически данная норма была сформулирована исходя из позиции защиты как обвиняемого (для исключения незаконного влияния на него со стороны обвинения, что по некоторым обыкновениям приписывают советскому наследию), так и для самого следователя и дознавателя, (также для исключения возможности злоупотреблений со стороны обвиняемого в виде обвинений следователя либо дознавателя в применении к нему незаконных мер в виде физического либо психического насилия). Однако в любом случае жизненные реалии изменились, а норма остается оправданно действующей. И здесь вызывает некоторое недоумение данные Судебного департамента при Верховном Суде: в 2024 году 8 тысяч человек были осуждены без участия защитника¹. Конечно, в соответствии со ст. 51 УПК РФ, защитник должен участвовать в уголовном деле в обязательном порядке лишь в предусмотренных данной нормой определенных случаях.

По общему правилу в соответствии с ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника обязательно в том случае, если сам обвиняемый не отказался от защитника. Также обвиняемый на любой стадии процесса имеет право отказаться от защитника. В соответствии с толкованием положений УПК РФ, изложенных в соответствующем Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, при разрешении подобного ходатайства суду необходимо выяснить добровольного, ясность и однозначность такого отказа.

¹ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2024 год [Электронный ресурс] / <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8942> (дата обращения 24.04.2025).

Также, согласно позиции Верховного Суда всем судам в подобных ситуациях при удовлетворении таких ходатайств необходимо обеспечить фактическую возможность для подсудимого воспользоваться помощью защитника¹.

Теоретически, если отказ от услуг защитника добровольный и вся процессуальная процедура соблюдена, то суд по может рассматривать дело и без такового. Однако, учитывая общую гуманную направленность действующего уголовно-процессуального законодательства, максимально обеспечивающую право на защиту обвиняемого и выраженную неоднократно позицию Верховного Суда по этому вопросу, вызывают удивление вышеуказанные данные о количестве дел, рассмотренных без участия защитника. Возможно, в данных случаях следует апеллировать к тому факту, что подсудимый будет свободен от выплат за участие защитника по назначению только если будет оправдан. При обвинительном же приговоре суда, с осужденного при разрешении вопроса о судебных издержках будут взысканы суммы на услуги адвоката (так как в данной ситуации допуск иного лица в качестве защитника практически невозможно, то будем говорить о реально участвующих в таких случаях адвокатах)². И в данном случае в соответствии с той же позицией Верховного Суда РФ, изложенной в постановлении Пленума, суд в таких случаях обязан выяснять, не связан ли отказ с материальным положением лица и невозможностью оплаты услуг адвоката. На практике точно установить этот факт невозможно, суд может руководствоваться выраженным мнением подсудимого, что представляет собой слабое обоснование. Не следует забывать и о возможном самооговоре в силу разных причин: шантаж, подкуп, угрозы, даже любовь (что встречалось на практике автору статьи). Смысл норм закона и состоит в их универсальности, однако, жизненные ситуации не вписываются в универсальные категории и требуют индивидуального подхода.

С толкованием данных норм, связанных с правом на защиту и допустимостью полученных без участия защитника доказательств, возникают и некоторые трудности на предварительном следствии. Так, например, по уголовному делу, рассмотренному одним из окружных военных судов, было установлено, что на предварительном следствии при допросе обвиняемого изначально присутствовал защитник. Однако во время допроса адвокат, который участвовал в деле в качестве защитника, попросил следователя возможности выйти из кабинета и ответить на срочный телефонный звонок. В дальнейшем адвокат так и не вернулся к своему подзащитному, а следователь, проигнорировав все требования закона, продолжил допрос. В результате, в протоколе допроса этого подсудимого не было и подписи защитника. Впоследствии в суде, обвиняемый отказался от прежних своих показаний, сослался в рамках судебного следствия на нарушение его права на защиту. Дело осложнялось тем, что подсудимый обвинялся в групповом преступлении и в отношении некоторых из группы лиц был уже обвинительный приговор. В данной ситуации, суду следовало бы признать ранее данные подсудимым показания как недопустимые доказательства, так как фактически адвокат на протяжении большей части допроса не был.

Несколько схожий случай был еще в 2019 году в г. Москве, точку которому положил в своем Кассационном определении Верховный Суд РФ от 21 декабря 2023 г. по делу № 5-УД23-105-К2³. Как пояснил Верховный Суд РФ, рассматривая доводы жалобы о нарушении права обвиняемого на защиту, суды, рассматривавшие дело по существу, а также в порядке апелляции и кассации сослались на присутствие адвоката при проведении процессуальных действий с участием обвиняемого на предварительном следствии. Однако, при предъявлении обвинения адвокат по назначению не присутствовал (он был, но ушел, отказавшись участвовать после отказа руководителя следственной группы в конфиденциальной беседе с обвиняемым), обвиняемому было предложено провести процессуальные действия в отсутствие защитника, но с применением видеозаписи.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ «Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. N 29 г. Москва. «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. 07.10.2015.

² По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2024 год почти 914 адвокатам были выплачены вознаграждения за участие в уголовном судопроизводстве // Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2024 год [Электронный ресурс] / <https://cdpr.ru/index.php?id=79&item=8942> (дата обращения 20.04.2025)

³ Кассационное определение от 21 декабря 2023г. по делу № 5-ЕЛ-105-К2 {Электронный ресурс} // <https://base.garant.ru/408314913/>, <https://vsrf.ru/lk/practice/appeals/11876979> (дата обращения 22.04.2025)

Как пояснил Верховный Суд, нахождение в помещении следственного изолятора при предъявлении обвинения защитника по назначению, заявившего самоотвод, и от которого к тому же отказался обвиняемый, не может рассматриваться как его присутствие. Подобные случаи, конечно, не так редки. Безусловно, конституционное право на защиту предполагает как право на защитника, так и право отказаться от услуг защитника и защищать себя самому, но, учитывая возможные злоупотребления с обеих процессуальных сторон, видится, целесообразно, все же применять обязательное участие защитника во всех случаях, принимая во внимание и положения закона, и правовую позицию Верховного Суда, и правило о недопустимости доказательств, предусмотренное ч. 2 ст. 75 УПК РФ.

Другой случай связан с правом лица, особенно обвиняемого на помощь переводчика, что может иметь значение при решении вопроса о соблюдении принципа языка судопроизводства и допустимости показаний обвиняемого.

Учитывая, что наша страна – многонациональная цивилизация со своим историческим развитием, пережившая разные, порой тяжелые периоды, в настоящее время данный вопрос продолжает оставаться актуальным, что находит свое отражение в судебной практике¹. Так, в Грозненском гарнизонном военном суде рассматриваются дела, в которых встречаются случаи, когда осужденный в суде заявляет о предоставлении ему переводчика. Например, по одному делу на предварительном следствии допрос подсудимого был без участия переводчика, и сам обвиняемый не заявлял ходатайства о предоставлении ему переводчика. Допрос производился с участием защитника, который также подобного ходатайства не заявлял. Впоследствии в суде сторона защиты заявила ходатайство о предоставлении переводчика, заявив, что на следствии при допросе сам защитник переводил обвиняемому с русского на чеченский. Обвиняемый из учреждения образования – средней школы, в которой обучение осуществлялось преимущественно на русском языке, характеризовался, как отстающий по успеваемости, оставался на второй год обучения, однако аттестат о среднем образовании получил в 2008 г., сдал соответствующий экзамен по русскому языку. С лета 2022 г. подсудимый, проходя службу в Вооруженных Силах РФ, подписал контракт на русском языке, осуществлял общение с сослуживцами и командованием на преимущественно русском языке.

Суд признал доводы защиты о том, что подсудимый не может давать показания в суде на русском языке вследствие его незнания, несостоятельными. Конституционный Суд выразил свою позицию, что органы расследования и суд вправе отклонить ходатайство об обеспечении тому или иному участнику судопроизводства помощи переводчика, если материалами уголовного дела будет подтверждаться, что такое ходатайство является результатом злоупотребления правом². Поэтому, представляется, в данной ситуации речь идет именно о подобных случаях.

Следовало бы уточнить, что в аналогичных случаях для предотвращения подобному противодействию расследованию и злоупотреблению правами, на стадии предварительного расследования, следователю (также дознавателю) целесообразно: установить места и уровень получения среднего, средне-специального и (при наличии) высшего образования; на каком языке проходило обучение в учреждении образования; истребовать заверенные копии аттестатов и дипломов с приложением изученных дисциплин; установить, на каком языке обвиняемый общался с преподавателями, одноклассниками, одноклассниками, коллегами; установить где и кем работал / служил обвиняемый, на каком языке общался по работе либо службе. Тогда в таких случаях вопрос о допустимости ранее данных на стадии расследования показаний обвиняемого будет снят, и мы исключаем возможность нарушение права на помощь переводчика.

Отдельного вопроса заслуживает формулировка, изложенная в части 3 статьи 75 УПК РФ, в общем виде определяющая недопустимость в качестве доказательств ситуаций «иных» нарушений требований закона. В данном вопросе неоднократно в научной литературе высказывались различные позиции. Так, одни считают, что такие иные нарушения должны в любом случае приводить

¹ Григорьев В. Непредоставление переводчика как нарушение права на защиту [Электронный ресурс] // Адвокатская газета / <https://www.advgazeta.ru/mneniya/nepredostavlenie-perevodchika-kak-narushenie-prava-na-zashchitu/> (дата обращения 27.04.2025); Постановление № 10-4/2020 от 26 февраля 2020 г. по делу № 10-4/2020 [Электронный ресурс] // <https://sudact.ru/regular/doc/5ITDemOgJM5U/> (дата обращения 28.04.2025).

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Череповского Михаила Васильевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 20 июня 2006 г. № 243-О. [Электронный ресурс] Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения 28.04.2025).

к признанию таких доказательств недопустимыми, другие – что только существенные, причем в последнем случае также нет единой позиции насчет признака «существенности», что все зависит от характера нарушения и возможности провести следственные и судебные действия, направленные на устранение / восполнение допущенного нарушения [5–6].

Верховный Суд РФ при решении вопроса о допустимости доказательств давая толкование «иным» нарушением УПК РФ в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 05 марта 2004 г. № 1 (в редакции от 17 декабря 2024 г.) «О применении судами норма Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», отдал «на откуп» самим судам решать данный вопрос, поясняя, что «суд должен в каждом случае выяснять, в чем конкретно выразилось допущенное нарушение».

В пункте 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» высказался, что доказательства подлежат квалификации как недопустимые, в частности, в случаях установления факта существенного нарушения регламентированного уголовно-процессуальным законодательством порядка их собирания и закрепления, а равно осуществления указанных действий неправомочным субъектом или посредством процессуальных действий, не нашедших отражения в нормах УПК РФ¹. Однако на практике такое толкование продолжает вызывать различные подходы судов к решению этого вопроса. Видится, что потребность в более точном урегулировании данного вопроса вызвана как потребностями правоприменительной практики, так и признается в зарубежном законодательстве.

Можно согласиться с мнением, что проверка допустимости доказательств является составляющей правоохранительной деятельности как в российском, так и в зарубежном уголовном процессе поскольку без прозрачных и своевременных процедур исследования допустимости невозможно достижение целей охраны правопорядка и защиты интересов и прав лиц, участвующих в уголовном процессе [7, с. 91].

В данной ситуации представляется целесообразным применить богатый материал исследований, отраженный в научной литературе и предложить законодателю включить в Уголовно-процессуальный Кодекс РФ статью 75.1 «Правила проверки допустимости доказательств», в которой сформулировать признаваемые большинством процессуалистов способы проверки допустимости доказательств: «При решении вопроса об иных нарушениях требований настоящего Кодекса следователь, дознаватель, прокурор, суд должны руководствоваться требованиями: 1) получение доказательства надлежащим субъектом, уполномоченным производить по уголовному делу соответствующие процессуальные действия; 2) получение доказательства из надлежащего источника, предусмотренного частью 2 статьи 74 настоящего Кодекса; 3) получение доказательства с соблюдением процедуры, предусмотренной статьей 164 настоящего Кодекса и для соответствующего следственного действия, а также с соблюдением всех гарантий, установленных Конституцией РФ и настоящим Кодексом. При оценке допустимости доказательств следователь, дознаватель, прокурор и суд должны выяснять в каждом конкретном случае в чем именно выразилось допущенное нарушение и повлияло ли оно на достоверность полученной информации (сведений об обстоятельствах дела) и были ли нарушены гарантированные Конституцией Российской Федерации и настоящим Кодексом права участников уголовно-процессуальных отношений и принципы уголовного процесса».

Некоторые авторы предлагают включить в понятие «иных» нарушений закона также дополнительные критерии. Так, в частности, еще в 1986 г. Н. В. Сибилева писала, что при решении данного вопроса следует также руководствоваться соблюдением норм нравственности при получении доказательств. Такое же мнение некоторыми высказывается и в настоящее время [8, с. 16; 9]. Однако видится более правильной высказанная в 1995 г. позиция Н. М. Кипниса, который возражает и высказывает мнение, что «если, например, при проведении следственного эксперимента унижены честь и достоинство участвующих в нем лиц, то результаты будут лишены доказательственного значения ввиду нарушения требований процессуальной нормы, а не этических норм» [5].

Конечно, в науке уголовного процесса сформулированы еще и иные правила, такие как «правило о несправедливом убеждении» и «правило о плодах отравленного дерева». Однако первое правило, сформулированное в Уголовно-процессуальном кодексе в части 8 статьи 335, регламентирует

¹ О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 3.

довольно узкий вопрос особенностей судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей и наш взгляд не требует дополнительного более общего регулирования. Что касается случаев возможности использования производных доказательств, полученных на основе доказательств, признанных недопустимыми, то этот вопрос не имеет однозначного решения и в соответствии с вышеуказанным постановлением пленума Верховного Суда РФ должен рассматриваться судом в каждом конкретном случае с учетом всех обстоятельств дела.

Заключение

Таким образом, совершенствуя законодательную регламентацию вопроса о допустимости доказательств, установив прямую зависимость соблюдения требования Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, по нашему мнению, возможно усовершенствование конструкций норм действующего законодательства путем внесения соответствующих дополнений, в частности статьи 75.1 «Правила проверки допустимости доказательств».

Новая модель оценки допустимости доказательств, основанная на учете наработок науки уголовного процесса, позволит привести к единообразию и решить некоторые проблемы в правоприменительной практике.

Дальнейшее развитие допустимости доказательств, с учетом современных вызовов и перспектив развития уголовно-процессуального права, представляется важным направлением научных исследований, направленных на совершенствование системы отправления правосудия и укрепление законности в сфере уголовного судопроизводства.

Список источников

1. Власов Ю. Я. Допустимость доказательств в уголовном процессе: понятие и критерии оценки // *Законность*. 2023. № 3(1061). С. 57–60.
2. Максимова Т. Ю., Маркова Т. Ю. Проблемные вопросы обоснованности приговора: взгляд стороны защиты // *Российский судья*. 2023. № 10. С. 56–61.
3. Пяшин С.А. О некоторых правилах оценки допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2020. № 1 (85). С. 119–124. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-1-119-124.
4. Вилкова Т. Ю., Максимова Т. Ю., Ничипоренко А. А. Перспективы развития уголовного судопроизводства в условиях цифровизации общества и государства // *Актуальные проблемы российского права*. 2024. Т. 19. № 12(169). С. 132–141.
5. Кипнис Н. М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. М.: Юрист, 1995. 127 с.
6. Золотых В. В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. М.: АСТ; Ростов н/Д: Феникс, 1999. 286 с.
7. Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. 2-е изд., доп. и испр. М.: Зерцало-М, 2002. 517 с.
8. Сибилева Н. В. Допустимость доказательств в советском уголовном процессе. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1986. 23 с.
9. Гришина Е. П., Абросимов И. В., Левеев Ю. Е. Нравственный критерий допустимости доказательств – миф или реальность? // *Исполнительное право*. 2008. № 2. С. 42–44.

References

1. Vlasov Yu. Ya. The admissibility of evidence in criminal proceedings: the concept and evaluation criteria. *Zakonnost Journal*. 2023;3(1061):57–60. (In Russ.)
2. Maksimova T. Yu., Markova T. Yu. Problematic issues of the validity of the verdict: the view of the defense. *Russian judge*. 2023;(10):56–61. (In Russ.)
3. Pyashin S. A. About some rules of an assessment of admissibility of proofs in criminal proceedings. *Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020;1(85):119–124. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-1-119-124. (In Russ.)
4. Vilkova T. Yu., Maksimova T. Yu., Nichiporenko A. A. Prospects for the development of criminal justice in the context of digitalization of society and the state. *Actual problems of Russian law*. 2024;19(12(169)):132–141. (In Russ.)

5. Kipnis N. M. *The admissibility of evidence in criminal proceedings*. Moscow; 1995. 127 p. (In Russ.)
6. Zolotykh V. V. *Verification of the admissibility of evidence in criminal proceedings*. Moscow; Rostov-on-Don, 1999. 286 p. (In Russ.)
7. Gutsenko K. F., Golovko L. V., Filimonov B. A. *Criminal procedure of Western states*. 2nd edition, expanded and corrected Moscow: Zertsalo-M.; 2002. 517 p. (In Russ.)
8. Sibileva N. V. *The admissibility of evidence in the Soviet criminal process*. Abstract of the dissertation ... Cand. Sci. (Law). Kharkov; 1986. 23 p. (In Russ.)
9. Grishina E. P., Abrosimov I. V., Leveev Yu. E. The moral criterion of the admissibility of evidence – myth or reality? *Executive law*. 2008;(2):42–44. (In Russ.)

Информация об авторе

В. И. Крупницкая – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного права и процесса Сибирского института управления – филиала РАНХиГС; доцент кафедры процессуального права ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

V. I. Krupnitskaya – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure, Siberian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Associate Professor of the Department of Procedural Law of South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 29.04.2025; одобрена после рецензирования 04.06.2025; принята к публикации 05.06.2025.

The article was submitted 29.04.2025; approved after reviewing 04.06.2025; accepted for publication 05.06.2025.